

Северный рубеж 1941

**К 80-летию начала
Великой Отечественной
войны**

Сборник докладов
Международной научной
конференции

Санкт-Петербург
16–17 июня 2021 г.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622
С28

НОРНИКЕЛЬ

*Издание рекомендовано к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского института истории РАН*

Рецензенты:

С.В. Кулик, д. и. н., профессор СПбТУ им. Петра Великого,
А.Н. Чистиков, д. и. н., заведующий отделом современной истории
России СПбИИ РАН

Ответственный редактор

д. и. н. Ю.З. Кантор

Редактор

к. и. н. Ю.И. Мошник

Северный рубеж. 1941. К 80-летию начала Великой Отечественной войны : Сборник докладов Международной научной конференции. Санкт-Петербург. 16–17 июня 2021 г. / отв. ред. Ю.З. Кантор. – М. : Политическая энциклопедия, 2022. – 279 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2500-3

В публикуемый сборник вошли материалы конференции, посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войны и событиям на северном театре военных действий – одном из ключевых для противоборствующих сторон. В статьях освещена не только фронтовая история, но и вопросы организации военной медицины, военная повседневность, отражение фронтовой действительности в эгодокументах и в искусстве, а также сюжеты, связанные с музеефикацией и мемориализацией событий первых месяцев войны на севере и северо-западе. Публикуемые материалы будут представлять интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-8243-2500-3

© Кантор Ю.З., предисловие, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Политическая энциклопедия, 2022

В.Л. Пянкевич

**«ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ВОЙНЫ».
ПЛАКАТЫ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В ЛЕНИНГРАДЕ
ЛЕТОМ И ОСЕНЬЮ 1941 г.**

Аннотация: В статье изучена проблема восприятия плакатов в Ленинграде накануне и во время блокады. Многочисленные листы бумаги с броскими изображениями, заголовками и пропагандистскими текстами звали на борьбу с захватчиком, помощь фронту, высмеивали врага. Поначалу плакаты вызывали интерес, хотя в контексте горьких сообщений о быстром наступлении врага подчас представлялись горожанам «фальшивыми», «хвастливыми», «издевательскими» и «бездарными». Тревожные изображения и призывы контрастировали с сохранявшейся в Ленинграде летом 1941 г. атмосферой инерции мирного времени. Прямолинейные и однозначные плакаты, конкурируя с привычными пропагандистскими штампами и устойчивыми представлениями о немцах, формировали адекватный образ безжалостного врага, воодушевляли и помогали выжить. Статья основана на анализе официальных документов, плакатов, фотографий и личных свидетельствах блокадников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, городское пространство, плакаты, восприятие.

V. Piankievich

**«THE DECORATION OF THE WAR».
POSTERS AND THEIR PERCEPTION IN LENINGRAD
IN THE SUMMER AND AUTUMN OF 1941**

Abstract: The article examines the problem of the perception of posters in Leningrad on the eve and during the blockade. Numerous sheets of paper with catchy images, headlines and propaganda texts called for the fight against the invader, help the front, ridiculed the enemy. The posters aroused interest at first, although in the context of the bitter reports of the rapid advance of the enemy, they sometimes appeared to the townspeople as “fake”, “boastful”, “mocking” and “talentless”. Alarming pictures and appeals contrasted with the atmosphere of peacetime inertia that persisted in Leningrad in the

summer of 1941. Straightforward and unambiguous posters, competing with the usual propaganda clichés and stable ideas about the Germans, formed an adequate image of a ruthless enemy, inspired and helped to survive. The article is based on the analysis of official documents, posters, photographs and personal testimonies of the blockade survivors.

Keywords: The Great Patriotic War, the siege of Leningrad, urban space, posters, perception.

Войну многие советские люди ждали, к ней готовились.

Но нападение Германии все-таки стало внезапным и ошеломляющим. Это известие поначалу резко изменило настроение и поведение ленинградцев, которые в смятении и тревоге собирались у городских репродукторов, слушая сообщения Совинформбюро, стояли в очередях у магазинов и сберкасс.

Восприятие происходящего и настроения горожан были разными. Для одних обстановка стала военной. «Война сразу поменяла облик города, появились военные регулировщики, стоящие на перекрестках на месте привычных милиционеров; грузовики, танки, орудия и идущие строем солдаты – все это заполнило городские улицы. Постепенно стали пустеть магазины, по радио каждый день передавали сводки о тяжелых боях. Враг приближался к городу. Становилось все тревожней»¹. «В считанные дни мир, в котором я жил, резко преобразился. Изменились лица людей. ...Опустели от людей улицы и дворы. Наш маленький мир как бы замер в тревожном ожидании»². «Ленинград с каждым днем был все больше похож на боевой лагерь»³.

Однако в сознании и памяти большинства ленинградцев напряжение, возникшее в первый день войны, довольно быстро спало, и практически до начала блокады в городе сохранялась инерция мирной жизни. Так же ходили трамваи, работали кафе, рестораны, были открыты магазины, горожане, как обычно, спешили на работу, на улицах играли дети. Продавалось мороженое, газированная вода, пиво. Очереди стояли в кассах кинотеатров со знакомыми афишами фильмов, вышедших в прокат за два-три года до войны: «Если завтра война», «Истребители», «Семья Оппенгейм», «Профессор Мамлок» и совсем новых: «Маскарад», «Антон Иванович сердит-

¹ *Чиглицева Е.М.* Пусть торжествует разум // Ленинградская симфония в Мордовии. Саранск: Б. и., 2010. С. 58.

² *Поверго И.Н.* Воспоминания // Воспоминания однокашников. СПб.: Самиздат, 2006. С. 61.

³ *Молчанова Т.Д.* «К концу марта умерла вся моя семья!» // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. М.: АСТ, 2014. С. 484.

ся». «Все успокоилось и вошло в обычные, почти обычные рамки, – писал 24 июня 1941 г. из Ленинграда биолог Г.П. Гродненский. – <...> Люди быстро обвыкли. Повседневное, впитав кой-какой элемент войны в себя, как масло успокоило взволновавшуюся поверхность»¹.

Академик С.И. Вавилов, которого война застала в Ленинграде, через неделю после ее начала записал в дневнике: «Люди идут не торопясь, в магазинах обычная “мирная” картина без всякой толкучки. Что это? Выражение очевидной уверенности в том, что все кончится хорошо? Дисциплина? Такое спокойствие народа поражает больше всего»². «Вечером на набережной много гуляющих. ...Просто не верится, что у нас война: все спокойны, хотя бы внешне. Около сфинксов – целое гулянье взрослых и малых. Тут же, несмотря на вечер, мальчишки купаются»³.

Проявлением безмятежности и одновременно уверенности в будущем был неизменный интерес ленинградцев к книгам. На Невском, Литейном, других проспектах и улицах прямо на тротуарах раскинулись широкие столы с только что изданными книгами, в том числе красочными для детей, академическими изданиями⁴. Удивляло сочетание подготовки к бомбежкам и торговли цветами. «Продают флоксы и астры, и раскупают их, как и всегда»⁵.

Распространенным было упование на быстрое завершение войны. «Я надеялась, что война скоро кончится, и я смогу учиться в институте»⁶. «В городе был порядок, вокруг веселые люди, надеющиеся на быстрое окончание войны»⁷. «Ожидали скорых побед нашей армии – непобедимой и лучшей в мире, как об этом постоянно писали в газетах. ...В первые военные дни в городе сложилась

¹ Бианки В.В. Лихолетье: Дневники, воспоминания, письма. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2005. С. 10.

² Вавилов С.И. Дневники. 1909–1951. Кн. 2. 1920–1951. М.: Наука, 2012. С. 124.

³ Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб.: Наука, 2009. С. 95.

⁴ Блатин А.Я. Вечный огонь Ленинграда. Записки журналиста. М.: Сов. Россия, 1976. С. 32, 33; Пиотровский Б.Б. Блокадный Ленинград. (Зима 1941/42 г.) // В годы войны: Статьи и очерки. М.: Наука, 1985. С. 7.

⁵ Хузе О.Ф. После победы все дурное забудется... Блокадный дневник // История Петербурга. 2009. № 4. С. 78.

⁶ Конева В.А. Моя правда о блокаде Ленинграда. Автобиографическая повесть. СПб.: Б. и., 2001. С. 40.

⁷ Иофед Т.Б. «Грохот взрывов мне слышится до сих пор...» // Воспоминания о блокаде = Wspomnienia o blokadzie. СПб.: Генер. консульство Респ. Польша в СПб., 2003. С. 30.

своеобразная праздничная обстановка»¹. «Летний период, когда я теперь его вспоминаю, кажется мне какой-то безобидной, шуточной пародией, сентиментально идиллической инсценировкой быта в готовящемся к блокаде городе»². Очень многие словно не ощутили, не поняли трагичности дня, отделившего мирную жизнь от войны.

Впрочем, Ленинград, конечно, собирал силы и средства для отражения наступления врага. Город не только готовился обороняться, маскировался, терял былой блеск, но агитировал. После 22 июня 1941 г. резко возросло значение и количество агитационных плакатов. Их готовили художники редакции Ленинградского отделения «Окон ТАСС» и Творческого объединения «Боевой карандаш». Эта работа была весьма востребованна. Если до войны над созданием плакатов трудилось не более 5 ленинградских графиков, то во время блокады плакатистов стало более 50 человек, среди которых были не только графики, но и художники других специальностей, скульпторы³. Десятикратный рост количества занятых этой работой был связан не только с требованиями и нуждами власти и горожан. Такая работа художников по специальности могла оплачиваться, и что важно – выдачей рабочей карточки, а значит, появлялся шанс на выживание в условиях голода.

В начале войны ленинградцы проявляли огромный интерес к сведениям о положении на фронте. Большое внимание привлекали и плакаты, которые соседствовали с печатными информационными материалами. Многочисленные листы бумаги с броскими изображениями и текстами размещались на специальных стендах, расклеивались на стенах домов, закрытых деревянными щитами стеклянных окнах-витринах магазинов. «На гастрономе № 1 (известном как Елисейевский) открыты “окна ТАСС” – специальные щиты, на которых размещались сообщения Совинформбюро, телеграммы, боевые карикатуры и стихи, а также снимки, отражающие боевую жизнь Красной армии и Военно-морского флота»⁴. «На улицах плакаты ленинградских художников: “Защитим город Ленина!” ...На переднем

¹ *Никулин Н.Н.* Воспоминания о войне. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 11.

² *Синакевич О.В.* Дневник. Зима 1941–1942 гг. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 163. Ед. хр. 31. Л. 25.

³ *Махлина С.Т.* Блокада Ленинграда в изобразительном искусстве // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 4(45). С. 53.

⁴ *Евстигнеева Н.В.* «В экстремальных ситуациях открываются запредельные силы человеческой души!» // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. С. 222.

плане – солдат, матрос, рабочий и работница. На заднем – Исаакий, заводские трубы, Петропавловка. На углу Международного и Первой Красноармейской – Кукрыниксов: “Напоролся!” – Могучий рабочий красного цвета вонзает штык в маленького черного Гитлера»¹.

Эти перемены в облике города больше всего привлекали внимание тех, кто вскоре после начала войны возвращался в Ленинград. «На стенах домов и заборах белели плакаты»². «Бросались в глаза яркие плакаты, расклеенные на стенах домов, призывающие защищать свою Родину. Неизгладимое впечатление производило стихотворение Джамбула: “Ленинградцы! Дети мои! Ленинградцы, гордость моя!”»³ «Особенно запомнился плакат “Родина-Мать зовет!”»⁴. «Запечатлелись в памяти ...самые первые плакаты, появившиеся на стенах домов 16 сентября 1941 г.: “Враг у ворот!”, “Ленинград в опасности!”»⁵.

Некоторые художники, писатели чувствовали нарастание опасности, тяжело переживали начало войны. Резкий и внезапный переход от мирной жизни к войне вызвал у художницы А.В. Любимовой подавленное состояние, психологический надлом. Не один раз она пишет о «безнадежности, обреченности и беспросветности» первых дней войны, в ее восприятии «все последующие, пусть трудные, голодные и страшные, все же были лучше, разумнее, по крайней мере», очень угнетали и неутешительные вести с фронта⁶. «Художники, как и все люди в первые дни войны, ходили с опущенными головами, но все-таки что-то делали, уже новое, военное... то военные плакаты, то карикатуры для “Боевого карандаша”. А мне невозможно стало что-нибудь сделать»⁷. «Работать над своими кровными довоенными темами – мотивами города – стало положительно нельзя, психологически невозможно, а новые еще не приходили в голо-

¹ *Разумовский Л.С.* Дети блокады // Нева. 1999. № 1. С. 13.

² *Молчанов А.В.* «Я на войне был школьником блокадным...» // Дети и блокада. Воспоминания, фрагменты дневников, свидетельства очевидцев, документальные материалы. СПб.: Вести, 2000. С. 25.

³ *Абрамова З.В.* Блокада и война в моей жизни // Юность фронтовая. Воспоминания участниц Великой Отечественной войны. СПб.: Б. и., 2000. С. 37.

⁴ *Петерсон В.А.* «Скорей бы было тепло!» Воспоминания о первой блокадной зиме // Нева. 2001. № 1. С. 167.

⁵ *Соболев Г.Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. С. 111.

⁶ *Любимова А.В.* «О войне, о блокаде» (Публикация А.Г. Носовой) // «Верили в Победу свято»: материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2015. С. 187.

⁷ Там же. С. 192.

ву. Пробовала было сочинить военный плакат, но мыслей не было, бросала. Все кругом было слишком непонятно и страшно, слишком вплотную подошла беда, загородила, завалила собой мысли и волю»¹.

Поначалу плакаты вызывали неоднозначную, порой критическую реакцию. «На фасадах зданий, на чугунных оградах, на специальных щитах – новые плакаты, художественное оформление войны. На одном укоризненно указывая перстом на прохожих, молодец вопрошал: “А ты (мол, сукин сын), что сделал для освобождения своей Родины?..” На этот плакат старались не смотреть: еще мало кто из идущих по проспекту сделал что-нибудь полезное»². Искусствовед Н.Н. Никулин вспоминал о первых днях войны: «Город украсился бездарно выполненными плакатами на военные темы»³.

Горьким и досадным был контраст известий о событиях на фронте и пропагандистских изображений и слов. «Всем нравятся плакаты: “Вперед, буденновцы!” – с усатым дядей а-ля Буденный на коне, и – “Родина зовет” – красивый мужественный солдат трубит в горн. У Казанского собора – громадное историческое панно: немцы в смешных костюмах подносят ключи Берлина графу Чернышеву. Поднесут ли нам? Пока что преподносят пилюли вроде бомб и снарядов, на почти не защищенные – ни с земли, ни с воздуха – города»⁴. «Военно-сатирические плакаты и всевозможные газетные карикатуры: на фоне наших ежедневных трагических отступлений казались особенно фальшивыми и хвастливыми»⁵. «Я всегда думал, что в случае войны немцы вначале сумеют достигнуть заметных успехов, – вспоминал физик, профессор Ленинградского университета С.Э. Фриш. – Но я никогда не думал, что их успехи будут так велики. В первые дни войны на улицах появились плакаты, изображавшие огромный танк с красной звездой, давящий маленький черный танк со свастикой. Четверостишие гласило: “Били мы врага копьем, / Били мы врага ружьем, / А теперь стальным оружием / Бьем врага, где обнаружим”⁶. И эти слова звучали страшной издевкой над действительностью»⁷. Плакаты могли восприниматься очень эмоционально. В дневнике

¹ Там же.

² Даров А.А. Блокада. М., 2012. С. 45.

³ Никулин Н.Н. Указ. соч. С. 11.

⁴ Даров А.А. Указ. соч. С. 45.

⁵ Любимова А.В. Указ. соч. С. 192.

⁶ Плакат Кукрыниксов 1941 года. Автор стихов В. Катаев.

⁷ Фриш С.Э. Сквозь призму времени. М.: Политиздат, 1992. С. 248.

неизвестной блокадницы говорилось в сентябре 1941 г.: «Плакаты со словами “Враг у ворот города” жгут мой мозг. Все темнеет вокруг»¹.

Множество плакатов, появившихся летом и осенью 1941 г. в Ленинграде, призывали, требовали, предупреждали, воодушевляли и высмеивали, издевались над врагом. Уничжительные, зооморфные изображения агрессора настойчиво убеждали – ничего хорошего от захватчиков ожидать нельзя. Между тем порожденные предвоенной пропагандой упования на пролетарскую солидарность немецких рабочих и солдат, а также надежды на высокую немецкую культуру существовали поначалу, а порой сохранялись в дальнейшем².

Со временем в городе становилось все меньше жителей. Зимой 1941–1942 г. и первой блокадной весной Ленинград опустел. Это изменило и характер визуальной агитации. «Жизнь переместилась в блиндажи, бомбоубежища, госпитали, формат листов “Боевого карандаша” был небольшим, а сами рисунки и текст выполнялись с расчетом на восприятие с близкого расстояния»³. Их можно было видеть не только на улицах и площадях, но и в клубах заводов и фабрик, школах, воинских частях, в блиндажах и окопах Ленинградского фронта, на кораблях Балтийского флота⁴. Некоторые из плакатов увеличивали до больших размеров и помещали на улицах.

Изображения мужественных бойцов Красной армии, самоотверженных рабочих были призваны вызывать стремление действовать столь же решительно, неустрашимо противостоять врагу и помогать фронту. Отсылки к образам прошлого («Били, бьем и будем бить!», «Мы им напомним») убеждали в исторической справедливости, закономерности и неминувности разгрома врага. Затем появились плакаты, содержащие описания последствий германской агрессии, злодеяний оккупантов. Обращенные прежде всего к фронтовикам, эти изображения и тексты зывали к мести. И те, и другие плакаты, обращаясь к эмоциям, возбуждали ненависть и презрение к врагу, горечь и страх за близких, гордость за свою родину и армию,

¹ «Жестокое испытание...» (дневник блокадницы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: Блокадные дневники. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. С. 151.

² *Пянкевич В.Л.* Немцы в представлениях военного времени и памяти блокадников // Блокадные нарративы. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 254–258.

³ Боевой карандаш: Творческий коллектив художников и поэтов Ленинграда. Л.: Художник РСФСР, 1977. С. 14.

⁴ *Костин А.* Лубки, плакаты, открытки // Художники города-фронта: воспоминания и дневники ленингр. художников. Л.: Художник РСФСР, 1973. С. 423.

вдохновляли и поддерживали патриотические чувства и действия. Изображения страшного и кровожадного врага должны были вызывать противоположные чувства – порождать стремление к суровому и безжалостному мщению, а остроумием и смехотворностью вселять оптимизм. Другие плакаты наставляли, как тушить зажигательные бомбы, предупреждать пожары, выращивать овощи, приготавливать витаминный напиток из хвои, изображали съедобные и, напротив, вредные дикорастущие растения и т. д. Они, по сути, информировали о способах и навыках выживания, спасения близких. Авторы плакатов принимали во внимание представления ленинградцев о себе и своем революционном городе-музее, преданности Ленинграду, гордости за него. Нередко фигурировали знакомые и понятные силуэты Петропавловской крепости, Адмиралтейства, Исаакиевского собора, присутствовал образ популярного и авторитетного в городе С.М. Кирова.

Плакаты с изображениями поверженных врагов и торжествующих воинов Красной армии до конца войны можно было видеть на улицах города. Однако в дневниках и воспоминаниях горожан свидетельств о плакатах практически нет. Погруженные в свои повседневные заботы, прежде всего о выживании, спасении близких, ленинградцы могли видеть, но не всегда замечать и сохранять в памяти обращенные к ним изображения и призывы. Тем не менее визуальная агитация мотивировала не сдаваться, продолжать жить и работать. Прямолинейные и однозначные плакаты, конкурируя с привычными пропагандистскими штампами и устойчивыми представлениями о немцах, формировали образ безжалостного врага, воодушевляли, вселяли надежду, уверенность в снятии блокады и победе над врагом, восполняя нехватку опыта и навыков, помогали выжить.